

Елена Каракина

Улица, которая обязывает

Дерибасовская если и считается лучшей улицей города, то, во всяком случае, она не особенно преобладает ни красотой, ни оживленностью над другими.

Одесса (1794-1894)

Включите воображение. Представьте, что раздалась барабанная дробь и литавры. А еще лучше – взмыли скрипки и виолончели. Нет, лучше марш из «Аиды». Мы вступаем на Дерибасовскую! Лучшую из улиц, «королеву улиц мира сего», как писал о ней великий сионист, поэт и патриот Одессы Владимир Жаботинский. Вы разочарованы? Ничего особенного? Ах, как говорили восточные мудрецы, «чтобы увидеть красоту Лейлы, нужно смотреть на нее глазами Меджнуна». Влюбленными глазами. Дерибасовская открывается не сразу. Зато никто не станет утверждать, что прелесть этой улицы могут ощутить только избранные. Ее может почувствовать любой желающий, у кого глаза открыты, а сердце не превратилось в камень. Спустимся вниз, к истоку улицы, к месту над обрывом, огороженным парапетом, полюбуемся узенькой лестницей из лавовых плит, спускающихся почти к Таможенной площади. Остановимся у памятника Дерибасу, основателю Одессы.

Памятник Иосифу Дерибасу был открыт в сентябре 1994 года, к двухсотлетию юбилею города. Это событие (не юбилей, а открытие памятника), в первую очередь, дало повод одесситам поупражняться в остроумии. Помимо официального памятник получил еще несколько фольклорных названий: «остров сокро-

вищ», «кузнечик», «адмирал с лопатой». Последнее отражает сюжет скульптуры – Дерибас изваян в адмиральской треуголке, с лопатой в одной руке и планом будущего города – в другой. Тяжеловатый постамент плавных линий, характерный для монументальных работ скульптора А. Князика, контрастирует с изящной, хрупкой, угловатой, манерно-кукольной статуэткой на нем. Противоречивость деталей памятника – возможно, и не оплошность скульптора. Противоречивость отражает характер времени – конца XVIII столетия – и его героев.

Основатель Одессы принадлежал к удивительному племени иностранных авантюристов, наводнивших тогда Россию. Отпрыски знатных фамилий, чьи руки равно умели обращаться с тончайшим фарфором чаепитий императрицы, томиком сонетов Петрарки и пушечным лафетом, застрявшим в непролазной грязи российских дорог, были бесстрашными людьми, готовыми поставить на карту жизнь. Ради карьеры, богатства и, как ни странно это сегодня звучит, ради славы и доброго имени.

Российская империя предоставляла искателям приключений обширное поле деятельности. Как в переносном смысле, так и в прямом. Сын испанца из Барселоны дон Мигеля Дерибаса-и-Бойонса, директора министерства государственного управления и военных сил Неаполитанского королевства, и Маргариты Плюнкет «из благородной ирландской фамилии Дункан», двадцатилетний Иосиф Дерибас в 1769 году становится волонтером российского флота. Дважды десятилетиями позднее турецкую крепость Хаджибей, на месте которой будет основана Одесса, штурмует генерал-майор Дерибас. А пять лет спустя закладывает основание нового города уже вице-адмирал Дерибас. В одном из его писем есть слова: «Я гибну от желания что-нибудь совершить...». Желание исполнилось. «Что-нибудь» оказалось Одессой. Правда, памятника создателю города пришлось дожидаться несколько дольше, чем продвижения по службе, – целых двести лет. Но лучше позже, чем никогда. Впрочем, память Дерибаса почти два столетия (с 1811 г.) звучит в имени улицы. Хоть ее переименовывали – то в улицу Лассалья в 1920-х, то в улицу Чкалова – в 1938-м, она упорно возвращалась к историческому названию – Дерибасовская.

Дерибасовская – больше чем имя, больше чем улица. Она точка отсчета, персонаж фольклора, фигура речи. В устах одессита фраза «Сейчас, я возьму разгон с Дерибасовской» означает презрительный отказ. Слова «целовал бы камни Дерибасовской» выражают крайнюю степень ностальгии. А возможность «прошвырнуть» по Дерибасовской означает одну из лучших форм беспечно-го времяпрепровождения. Начать же «прошвыриваться» можно и со двора. Со двора дома по Дерибасовской, № 3, где помимо традиционных для Одессы веревок с бельем, кошек, дворового крана и жильцов, сидящих на лавочке, стоит бюст создателя международного языка эсперанто доктора Людвиг Заменгофа. Не стоит думать, что в каждом из одесских дворов возвышается монумент какому-нибудь знаменитому лингвисту. Или что все жители дома по Дерибасовской, № 3, поголовно болтают на эсперанто. Или что доктор Заменгоф жил, или хотя бы бывал в этом дворе. Но зато здесь проживал скульптор, относившийся с пиететом к языку, призванному объединить все народы мира. В этом дворе была мастерская, где скульптор ваял. Это и послужило причиной появления скульптурного изображения творца эсперанто. В силу

Дерибасовская начинается с Заменгофа

историко-политических причин заказ на бюст оказался невос-
требуемым обществом одесских эсперантистов. В результате
из мастерской скульптора доктор Заменгоф перекочевал во двор,
став предметом гордости жильцов дома. Не слишком углубляясь
в изучение эсперанто, они, тем не менее, ухаживают за скульпту-
рой, подкрашивают и подбеливают ее, величают памятником
и не без оснований утверждают, что их двор – единственный
в мире, где стоит изваяние изобретателя языка-космополита.

Подивившись на изображение доктора Заменгофа, выгляды-
вающее меж двух простыней, вернемся на улицу. Дерибасовская
зовет нас вверх. Но пусть подождет немного. Предвкушение
встречи приятно и продлить. Откровенно говоря, мало кто на-
чинает «постепенно гулять по Дерибасовской» согласно нуме-
рации домов.

Психологически, не согласуясь с порядковыми номерами,
Дерибасовская начинается от перекрестка с Преображенской.
Именно здесь – начало знаменитого одесского променада. Здесь
же, на углу, со стороны Преображенской находилась пивная, оста-
вившая громкий след в литературе.

Она находилась в подвале здания, которое сейчас занимает
консульство Греции. А в подвале – ювелирная мастерская. Сто лет
назад в этом доме находилось заведение, где основным предме-
том торговли были не золото и драгоценные камни, но продукт,
часто сравниваемый с янтарем. Торговали здесь пивом, а заведе-
ние называлось «Гамбринус». Говорят, еще несколько десятиле-
тий тому росписи стен в подвалах «Ювелирторга» соответство-
вали описаниям 1905 года. Мало кто вспоминал бы десятилетия
спустя об интерьере одной из многочисленных пивных Одессы,
если бы не замечательный писатель Александр Иванович Куприн.
В 1906 году, когда свежи были еще впечатления от еврейского
погрома предыдущего года, Куприн написал рассказ, связанный
с этим трагическим событием, и назвал его «Гамбринус». Для ан-
тисемитов специально: «Гамбринус» – повесть о том, как все пля-
шут под еврейскую скрипку. Центральным персонажем рассказа
автор сделал фигуру еврея-скрипача, играющего в одесской пив-
ной. В деталях описано местонахождение кабачка, его обстанов-
ка, его посетители. Портрет главного героя, Сашки-музыканта,

дан нарочито занижено: «маленький, плешивый, человечек с наружностью обезлой обезьяны неопределенных лет». Зато скрипка в руках этого «маленького плешивого человечка» делает чудеса. Она заставляет посетителей кабачка – рыбаков, матросов, портовых грузчиков – чувствовать, что в мире существует нечто высшее и прекрасное. Она говорит с людьми разных национальностей на языке, доступном и ясном каждому из них, на языке, смягчающем сердца и стирающем противостояние. Кульминацией рассказа становится момент, когда Сашка-музыкант, защищая национальное и человеческое достоинство, разбивает скрипку о голову погромщика. Финал «Гамбринуса» оптимистичен. Главный герой, Сашка-музыкант, искалеченный в полицейском участке, никогда не сможет играть на скрипке. Но он высвистывает любимую публикой мелодию на окарине. И вслед за ним писатель утверждает: «Ничего! Человека можно искалечить, но искусство все перетерпит и все победит». Рассказ Куприна как минимум на столетие увековечил память и Сашки-музыканта, и кабачка, в котором он играл. Прототип Сашки – скрипач Александр Певзнер – и без того был известен и любим в Одессе. Но после появления рассказа слава его стала достоянием всей читающей России. Похороны Александра Певзнера описал Константин Паустовский в повести «Время больших ожиданий», чем поддержал и легенду, и реальную память об одесском скрипаче. В Одессе реальность и легенда легко перетекают друг в друга. Никто не знает, где заканчивается реальность и где начинается легенда. Кабачок с тем же названием теперь живет и процветает непосредственно на Дерибасовской угол и Колодезного (имени вице-адмирала Жукова) переулках.

При выходе на Дерибасовскую с Преображенской лучшая улица мира предстает во всей красе. Справа машет барочным крылом Пассаж, слева, почти сразу за двумя соединенными, как сиамские близнецы, двухэтажными изящными строениями рубежа XVIII-XIX веков – тенистый приют Городского сада. Улица за счет наклона ландшафта просматривается на три квартала вдаль. Дерибасовская навсегда.

Дерибасовская усеяна бесчисленными кафе, ресторанами, ресторанчиками, барами. Летними, зимними, демисезонными.

На Дерибасовской полно витрин зазывно манящих магазинов. Из достопримечательностей – Пассаж и Городской сад. Еще – гостиница «Большая Московская», здание бывшего Ришельевского лицея, место, где был когда-то ресторан Отона, в котором никогда не бывал Пушкин, и ниже, на углу Дерибасовской и Ришельевской, здание, в предшественнике которого Пушкин и вправду останавливался. Под ним – тень Пушкина.

Вот, пожалуй, весь перечень архитектурных и исторических достоинств главной улицы Одессы. Негусто. Правда, с Дерибасовской открывается прекрасный вид на оперный театр. Но само здание театра стоит все же на другой улице. Нет, ни пышностью домов, ни высотой этажей, ни особым распахом тротуаров Дерибасовская не потрясет ничьего воображения. Ни тем более прозябенностью.

Дерибасовская коротка. Коротка, как жизнь. От Дерибасовской сегодня мало что осталось. Ее как-то очень упорно лишают исторических зданий. Ее как-то чересчур интенсивно рушат. Но слава по-прежнему гремит. Дерибасовская – средоточие Одессы, квинтэссенция ее самовыражения. Каждый квадратный сантиметр ее мостовой полон счастливой памяти. Так уж случилось – Дерибасовская вызывает эйфорию, праздничное состояние души. Ее можно сравнить с намоленной иконой. Сюда несут все праздничное, оставляя будни на других улицах. На Дерибасовскую выходят, как вступают в парадную залу, увешанную роскошными зеркалами, украшенную диковинными цветами, освещенную тысячами разноцветных огней. Ее то шутиливо, то восторженно, то ностальгически вспоминают в своих книгах Юрий Олеша, Валентин Катаев, Лев Славин, Ильф и Петров. Но, пожалуй, наиболее приближенное к реальности описание ее не только как улицы, а как состояния души, дает Владимир Жаботинский в романе «Пятеро». Книга создавалась через полтора десятка лет после того, как писатель покинул Одессу. Тем не менее, его память бережно и нежно сохранила и передала вечности слова каждый из перекрестков Дерибасовской, не только ее географию, но самую душу ее:

«Как только ступала нога на ту царственную почву (слышите – «царственную»! – Е. К.), меня тотчас охватывало особое сознание,

словно произошло событие или выпала мне на долю привилегия. Я невольно подтягивался и пальцем пробовал, не развязался ли галстук. И я уверен, что не я один». «...королева всех улиц мира сего... почему королева – доводами доказать невозможно: почти все дома с обеих сторон были, помнится, двухэтажные, архитектура по большей части среднего качества, ни одного памятника, но – королева».

Жаботинский, описывая в романе «Пятеро» Дерибасовскую, вспоминает путь, который он проделывал почти ежедневно, отправляясь в редакцию «Одесских новостей». Эта газета была одной из самых интересных в Одессе начала XX века. В ней сотрудничали авторы, кое-кто из которых достиг зенита литературной славы уже тогда. К примеру, поэт и прозаик Александр Митрофанович Федоров, ученик Аполлона Майкова, ныне почти забытый, а тогда – маститый, известный всей России. Но были и такие, кому еще предстояло так или иначе определять лицо культуры начинающегося столетия. Это были Корней Чуковский, Аминад Шполянский (более известный под псевдонимом «Дон Аминадо»), ну и Владимир Жаботинский, конечно. Их слава была в будущем. Если же не ограничиваться перечислением самых маститых, то необходимо упомянуть замечательного карикатуриста М. Линского, художника, друга И. Бунина – П. Нилуса, фельетониста и драматурга Б. Флита, театрального критика и редактора «Одесских новостей» И. Хейфеца, журналистов О. Инбера и П.Т. Герцо-Виноградского... Звездами мировой величины эти люди не стали, но это не помешало им создать образцы журналистики не провинциального уровня – хлесткой, остроумной, насыщенной образами, бесстрашной и незаангажированной. Никакой мистики – но редакция газеты размещалась в здании, предшественником которого был дом, в котором жил Лев Сергеевич Пушкин, младший брат поэта, а в гости к нему заходил Николай Васильевич Гоголь. При желании в преемственности талантливых людей на один квадратный метр Дерибасовской можно усмотреть причуды гения местности.

Редакция «Одесских новостей», где плавилось и ковалось общественное мнение города, размещалась в начале XX века в здании Пассажа – характерное для дореволюционной Одес-

сы соседство культуры и капитала. Пассаж, как объясняет толковый словарь, – «торговое здание в виде крытой галереи с рядом магазинов. Обычно пассаж располагается между двумя улицами».

Пассаж на Дерибасовской, возведенный архитектором Л.Л. Влодеком, превратил имя нарицательное в имя собственное. Отчасти это произошло из-за одноименной гостиницы, разместившейся в здании, но больше все-таки по вине архитектуры. Язык не поворачивается называть это порочно-барочное, нарочное изобилие лепнины, это великолепие взбитых сливок и воздушного крема с маленькой буквой. Пиетет и эпитеты вызывает не экстерьер, а интерьер Пассажа. Несущий в себе характерный для Одессы эффект неожиданности. Так, стоя близ памятника Дюку де Ришелье, вы и не догадаетесь, что в нескольких метрах от вас не пропасть, а – знаменитая лестница. Глядя на фасад Пассажа, вы и предположить не можете, что за зрелище ожидает вас внутри. У скольких поколений людей вырывалось восторженное «ах!», когда, пройдя под украшенным мозаикой потолком подъезда, они впервые вступали под остекленный свод Пассажа? Ровно у стольких, сколько их сменилось с момента появления здания, с 1899 года.

Поразительно, но это парадное сооружение никогда не изменяло своему практическому предназначению. В стране, в городе, где биржи становились филармониями, церкви, синагоги и костелы – спортивными залами, дворцы – обкомами партии, Пассаж неизменно оставался торговым центром. Менялись названия фирм и ассортимент товаров, пропал купол со шпилем, частично утрачена мозаика, но если зажмуриться и отбросить все эти мелочи, Пассаж остается все тем же красавцем Пассажем. Со своей самой курьезной достопримечательностью: паровозом на крыше. Фасад, выходящий на Дерибасовскую, венчают покровители Одессы – Меркурий и Церера. А так как здание строилось в век прогресса, то Меркурий вместо традиционных крылышек на ногах обрел новомодное средство передвижения – паровоз. Почти как настоящий – с трубой и колесами. А Дерибасовская стала единственной в мире улицей, где по крышам не кошки банальные шастают, а паровозы.

Стоит добавить, что лепные украшения Пассажа выполнены скульпторами Т.Л. Фишелем и С.Т. Мильманом, а чтобы разглядеть подробней паровоз, нужно перейти на противоположную сторону улицы. Это абсолютно безопасно – проезд по Дерibasовской закрыт, и примерно с середины 1980-х она объявлена пешеходной зоной.

Перейдя Дерibasовскую, мы окажемся на внешней аллее Городского сада. Самого первого из ныне многочисленных одесских скверов и парков. Его разбил родной брат основателя города – Феликс Дерibas. Разбивал он его рядом с собственным домом, в котором впоследствии размещалась канцелярия генерал-губернатора М.С. Воронцова, куда по служебной надобности вынужден был приходить (изредка) Александр Сергеевич Пушкин.

Судя по названию одного из первых мест зеленых насаждений в городе – не сквер, не парк, а все-таки «сад», – легко догадаться, что нынешним кленам, дубам и каштанам предшествовали плодовые деревья. А может быть, не только из-за плодовых саженцев. Деревья, зелень, тень были (да и есть) драгоценны в Одессе. Помните – у Пушкина: «Одессу звучными стихами \ Наш друг Туманский описал, \ Но он пристрастными глазами \ В то время на нее взирал. \ Приехав, он прямым поэтом \ Пошел бродить с своим лорнетом \ Один над морем – и потом \ Очаровательным пером \ Сады одесские прославил. \ Все хорошо. Но дело в том, \ Что степь нагая там кругом; \ Кой-где недавний труд заставил \ Младые ветви в знойный день \ Давать насильственную тень».

Возможно, первую городскую посадку называли садом по аналогии с райским. В Городском саду (так и хочется написать – «играет духовой оркестр», и действительно играет летом, по воскресеньям, в ротонде, в центре сада) за последние полтора десятка лет произошли изменения. Открылось множество кафе и ресторанов, столики которых редко пустуют. В 1999 году на внешней аллее Горсада была открыта маленькая круглая площадь имени Остапа Бендера, в центре которой поместился стул работы мастера Гамбса. На самом деле автором данного скульптурного произведения стал Михаил Рева. Стул мастера Гамбса был лишь прототипом бронзового изваяния.

Не стоит думать, что одесситы настолько одержимы любовью к мебели, что начали ставить ей памятники. Одесситы на самом деле одержимы любовью к хорошим книгам, в частности к роману Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев». Памятник поставлен именно тому из двенадцати стульев, в сидении которого было спрятано сокровище мадам Петуховой, бриллианты, так и не доставшиеся героям романа.

Любопытно, что как раз в одесском Городском саду происходит часть действия другого романа соавторов – «Золотой теленок». При этом трижды упомянут фонтан. Он перестает бить, когда внимание одесских зевак привлекает сцена разоблачения «слепого» Паниковского. Струя фонтана вновь поднимается «с нарзанным визгом», когда Остап Бендер ликвидирует скандал. Наконец, Бендер сообщает незадачливым компаньонам: «Идемте в городской сад. Я вам устрою сцену у фонтана».

Вместо того чтобы создавать многофигурную композицию из героев Ильфа и Петрова, решено было ограничиться одним только стулом. Поскольку для тех, кто романы читал, достаточно и намек, а для тех, кто не подозревает об их существовании, не хватит даже парка скульптур.

Еще одно напоминание о «Золотом теленке» на Дерибасовской – гостиница «Большая Московская». Она находится аккуратно через дорогу напротив от Городского сада. Именно здесь размещалось «советское учреждение «Геркулес», прототипом которого стал Опродкомгуб, где довелось в самом начале 1920-х служить Илье Ильфу.

В конце же 1920-х в рассказе «Путешествие в Одессу» Ильф писал: «...Сейчас в Одессе не меньше трехсот скульптурных украшений. В садах и скверах, на бульварах и уличных перекрестках возвышаются ныне мраморные девушки, медные львы, нимфы, пастухи, играющие на свирелях, урны и гранитные поросята». Поросят и урн уже не наблюдается, зато львы, о которых говорил писатель, – на месте. Их перенесли в Городской сад с дачи знаменитого в свое время городского головы Григория Маразли. Львы стали результатом экспроприации. С тех пор они живут абсолютно открытой каждому взгляду демократической, не буржуазной жизнью. Их уже не спрячешь, не купишь, не заберешь

домой, не провезешь через таможню. Зато можно сделать снимки на память. На фоне льва или на фоне львицы, стоящих друг против друга. Заметьте, даже грозные символы государственности – львы – в Одессе утрачивают традиционно державный вид. Они ведут себя естественно. Лев задрал ягненка (кормилец!), львица кормит львят молоком (кормилица!). Каждый занимается делом, предназначенным ему природой. Около скульптурных групп, созданных А. Кеном (еще одно прочтение имени скульптора – Сайн), когда-то и вправду часто звучали щелчки затворов фотоаппаратов. Но «двенадцатый стул» М. Ревы отодвинул их на второй план.

Бронзовый стул на площади имени Остапа Бендера обладает особой фотопритягательностью. Часто к нему стоит очередь жаждущих запечатлеться именно на этом месте. В 2000-м году у скульптуры появился опасный конкурент – памятник Леониду Утесову работы А. Токарева. Очень уютный, очень домашний. Среди деревянных скамеек сада – прибежища пенсионеров, студентов и влюбленных пар – материализовалась еще одна скамейка, бронзовая, на спинку которой откинулся улыбающийся немолодой человек. Плащ его небрежно расстегнут, шарф разметался, лихо блестят желтые штилеты. Позер, одесский философ, артист

до последнего вздоха. Кажется, сейчас бросит короткую ехидную реплику, которыми он так славился. Леонид Осипович Утесов – человек-эпоха, король советского джаза, исполнитель песен, которые вслед за ним не пели только глухонемые. Родившийся в 1895 году в Треугольном переулке, что в двадцати минутах ходьбы от Дерибасовской, здесь, в Одессе, он сделал свои первые шаги – на эстраде и в театрах миниатюр. Шаги оказались настолько широкими, что привели его в Москву, где в 1929 году он организовал и возглавил первый в СССР театрализованный джаз. С тех пор слово «первый» и даже «единственный» сопровождало Утесова всю его долгую жизнь, почти девяносто лет. Леонида Осиповича не стало в 1982 году, а популярность его не увядает. Еще бы! Самые знаменитые песни об Одессе лучше всего звучат в его исполнении: «Ты одессит, Мишка...», «Есть город, который я вижу во сне...». Последняя наряду с музыкой из оперетты Исаака Дунаевского «Белая акация» стала фирменным знаком Одессы.

Не только голос Утесова звучал в Городском саду. Громко звучали и другие голоса. Чтобы вспомнить о них, присядемте-ка лучше на скамейку. Свободные, как правило, в глубине сада. Здесь же притаился летний театр, в лучшие времена дававший два-три аншлага в сезон. На открытой эстраде под южными звездами выступали многие знаменитости – список их имен может занять десятки страниц. Но самой надолго запомнившейся сенсацией стали концерты «грустного Пьеро», эмигранта и «возвращенца», великого шансонье Александра Вертинского. Он давал здесь концерты в конце 1940-х. Достать билеты было невозможно. В кассе – нет, у спекулянтов – не по карману. Как ни странно, наиболее частыми зрителями, а главное – слушателями Вертинского оказались сотрудники научной библиотеки Одесского государственного университета. Каким образом этим не самым оборотистым жителям Одессы удалось услышать все концерты маэстро? Ларчик открывается просто. Окна научной библиотеки университета выходят прямо на летний театр, и библиотекари, таким образом, попали в разряд счастливчиков, которым завидовал весь город. У них же был бесплатный абонемент на все концерты звезды эстрады! Удивляться ли тому, что маленький, размером с почтовую марку, Городской сад связал судьбы двух великих мастеров

жанра, экстра-клоунов эстрады – «рыжего» Утесова и «белого» Вертинского? Не стоит. Утесов и Вертинский – два варианта судьбы человека искусства XX столетия, две стороны одного жанра. Утесов – эпоха, Вертинский – эпоха. Эпохи накладываются друг на друга, пересекаются на Дерибасовской. Здесь заканчиваются, здесь же возрождаются.

На самом выходе из Горсада возродилось кино «Уточ-кино», теперь – джаз-клуб, носящий имя «Уточкин». Еще в 1960-х название звучало «Уточ-кино», двадцать лет спустя все же прижилось название «кинотеатр Маяковского». Теперь возвратилось прежнее, хотя «кина» пока уже не будет. Владельцем кинотеатра, верней, «иллюзиона», или «синематографа», в начале XX столетия был родной брат Сергея Уточкина. А Сергей Уточкин тоже был эпохой. Человеком, безусловно, заслужившим памятник в городе Одессе. (Памятник у кинотеатра появился 2 сентября 2001 г.) Впрочем, если бы в Одессе ставили памятники всем знаменитостям этого города, пешеходам было бы не протолкнуться. А скульптурное изображение Сергея Уточкина неплохо было бы изваять вообще на Потемкинской лестнице. Легендарный спортсмен, пионер авиации, чемпион велосипедных гонок, исполнитель головокружительных трюков, Уточкин не признавал жизни без риска и без преодоления препятствий. Вот он и пересчитал шинами своего отнюдь не «горного» велосипеда ступеньки Потемкинской лестницы, съехав по ней вниз, к самому синему морю. Вслед за ним, уже много позднее, в 1970-х, по лестнице съезжали на лыжах и даже на автомобиле марки «Запорожец», но Уточкин-то был первым. Стоит ли говорить, что спортсмена в Одессе обожали, носили на руках в самом прямом смысле, а брат использовал их общую фамилию для привлечения публики в синематограф.

В этом же здании, но по фасаду со стороны Дерибасовской, располагался магазин производителя чая, марка которого до сих пор известна всему миру. На старой открытке по фризу этого двухэтажного любовно выпестованного домика, где сейчас расположилось кафе, большими буквами шла надпись «Чай Высоцкого». Как тут не вспомнить знаменитое присловье: «Чай Высоцкого, сахар Бродского, Россия – Троцкого». И не подивиться недалёковидности ее сочинителя, ведь когда появляется «Россия

Троцкого», тогда исчезают и сахар Бродского, и чай Высоцкого, и магазины, где все это продавалось.

Мы уже на мосту, на углу Дерибасовской и Гаванной, но еще чуть-чуть помедлим, чтобы сказать несколько слов о здании уже упоминавшейся гостиницы «Большая Московская». Помимо того, что оно вошло в литературу, так как здесь разворачивается часть действия романа «Золотой теленок», оно еще вошло в легенду. В ней здание фигурирует как «дом с лицами». В Одессе достаточно домов с маскаронами – большими и малыми, звериными, птичьими и человечьими, но самые выразительные, самые заметные – на стенах «Большой Московской». Мужские и женские, с правильными чертами лица и загадочными полуулыбками, в вычурных головных уборах, по бокам которых – канаты и цепи. Именно эти цепи и породили легенду. Одесский фольклор гласит, что архитектор, строивший дом, случайно узнал, что его заказчик – торговец живым товаром. Что злодей сплавляет одесских красавиц через одесские же катакомбы в порт, где их, завернутых в пышные персидские ковры, грузят в потайные места на кораблях, а затем продают в гаремы сладострастных восточных владык. Страшную тайну поведала архитектору одна

из невольниц, пытавшихся вырваться на свободу. Архитектор, конечно же, влюбился в нее и пытался освободить от страшной участи, но неудачно – девушку «сконтрабандили» жирному сладострастному старому паше. Тогда в отчаянии архитектор изобразил на здании ее портрет, а заодно и свой, где цепи и «вервия» – символ злосчастливого рабства. После чего был предательски убит по приказу коварного хозяина, заказавшего сначала проект здания, а потом и самого архитектора. Вся история – плод воображения восторженной и романтической гимназистки, тем не менее в одесском фольклоре она существует почти сто лет. Реально же здание было выстроено в 1910 году. Неизвестно, существовала ли в то время торговля «живым товаром», зато точно известно, что в «Большой Московской» в 1918 году останавливался Александр Вертинский. Это уже не легенда. Здание «Большой Московской» «отреставрировано». В процессе «реставрации» оно приобрело два лишних этажа, что нарушило пропорции и здания, да и самой Дерibasовской. Лица, то есть маскароны на здании воспроизведены один к одному, но благодаря новой высоте гостиницы стали меньше бросаться в глаза. Поэтому, улыбнувшись милым потерянными лицами на «Большой Московской», отправимся к мосту.

Имеющие глаза, конечно, могут возразить, что никакого моста они отродясь на Дерibasовской не видели. А его и нельзя увидеть. Он под землей. Он исчез давным-давно, еще в первой трети XIX века, в процессе строительства города. Дело в том, что рельеф центра был несколько иным. Военная балка (о которой сейчас напоминает название – Военный спуск, берущий начало от Гаванной, пересекающей Дерibasовскую) начиналась от Греческой площади. Балку пересекали два моста – один на Дерibasовской, второй соединял Городской сад и Ланжероновскую. Потом балку засыпали, и мосты исчезли. Но они живут под землей и держат одесские улицы на своих выгнутых спинках, как те киты, на которых, как известно, стоит земная твердь.

Перейдя, наконец, по исчезнувшему мосту через Гаванную, отправимся вдоль сияющих витрин к длинному одноэтажному дому, не обделенному мемориальными досками. Это – здание Рيشельевского лицея. Бывшего, конечно, потому что здесь лицеев нет примерно с середины XIX века. На смену лицейю пришел

университет. Кстати, мемориальную доску в память человека, которому Одесса обязана тем, что стала университетским городом, мы обошли вниманием. Между тем она – на здании рядом с Пассажем. Там находилась гостиница «Франция». В ней в 1856-1858 годах жил великий хирург Николай Иванович Пирогов, по совместительству исполнявший обязанности попечителя Одесского учебного округа. Это его стараниями и ходатайствами на базе Ришельевского лицея возник Новороссийский университет. Мы не станем, конечно, возвращаться к бывшей «Франции». Тем более что Пирогов бывал, ну просто не мог не бывать по долгу службы в здании лицея здесь, на Дерибасовской, 16. Здесь же, как свидетельствует мемориальная доска, преподавал Дмитрий Иванович Менделеев. Это было, правда, в 1855-1856 годах, до того, как великому ученому приснилась таблица химических элементов. Жаль, конечно, что не Одесса навеяла ему этот гениальный сон. Хотя кто знает? Навеяла же Одесса Адаму Мицкевичу «Крымские сонеты». Это ничего, что сонеты – крымские, писал-то их великий польский поэт в период одесской ссылки, в 1825 году, и – вполне возможно – в этом самом здании. Во всяком случае, рукописи наверняка здесь держал. О том, что нога Мицкевича, гордости польской поэзии, ступала по плитам лицейского двора, свидетельствует его восторженный профиль на доске черного мрамора. Кстати, почти напротив, через дорогу, ближе к Екатерининской – памятный знак, выполненный со вкусом и изяществом, свидетельствует о пребывании в Одессе другого великого поляка, революционера в живописи, грозы традиционалистов – Василия Кандинского. Переходить ли на другую сторону Дерибасовской? Пожалуй, не стоит. Лицей заслуживает того, чтобы уделить ему побольше внимания. Как-никак, одно из любопытнейших учебных заведений XIX столетия.

Лицей был основан по инициативе Ришелье. Открыт, правда, после отъезда герцога из Одессы – при графе Ланжероне, в 1817 году. Но Арман Эммануэль дю Плесси и во Франции не забывал своего любимого детища – Одессы. Он назначил содержание лицею. Из своего кармана, естественно. Лицей давал образование, которое сегодня можно назвать университетским, а насколько оно было качественным, свидетельствует тот факт, что сюда

приезжали учиться не только жители Новороссии, но Петербурга и Москвы. В рождении лица присутствует все же очень одесский момент. Укладывающийся в анекдотическую фразу: «А какой ковер!.. они собирались себе купить». Проект здания лица был создан одним из крупнейших зодчих XIX века, автором Исаакиевского собора и Александрийского столпа – Августом Монферраном. Проект-то был, но осуществлен он не был. И здание, выходящее если не на все четыре, то на три стороны – на Дерибасовскую, Екатерининскую и Ланжероновскую улицы, не может похвастаться родством с Исаакиевским собором и Александрийским столпом в Петербурге. Что с того! В лицее было все, что нужно, чтобы черпать полными горстями из источника знаний: аудитории для занятий, дортуары для учеников, апартаменты для преподавателей, службы – прачечная, столовая. Даже собственная церковь была. В общем, настоящий университетский кампус. Нынешние жильцы дома спокойно могли бы играть в «лицей». Здание не перестраивалось и не подгонялось под нужды «не студентов». Хотя кой-какие изменения в лицейском комплексе зданий все же произошли. Зайдем во двор – он того стоит. Это великолепный образец одесского «сквозняка», проходного двора, которым легко уходить от слежки и погони. Правда, выход на Ланжероновскую бывает закрыт. Зато на Екатерининскую – пожалуйста, сколько угодно. Но мы воздержимся от опрометчивого шага – потерять несколько метров Дерибасовской. И обратим лишь внимание на то, что двор позволял лицеистам чувствовать себя «государством в государстве», что здесь некогда бил фонтан, что двор был вымощен лавовыми плитами, а от прежних политических веяний здесь сохранился пустой постамент. На нем некогда величественно морщился гипсовый Ильич. Двор бывшего лица – далеко не единственный в городе из тех, где лозунг «Ленин – с нами» осуществлялся впрямую. Что за странная прихоть? Чрезмерная любовь к вождю мирового пролетариата или избыток бюстов, которые некуда было девать? Украшением они, конечно, были сомнительным, но забавным. Ленин как элемент садовой и даже дворовой скульптуры, Ильич не монументальный, но одомашненный, вносил крамольную фамильярность в отношения к анклаву советских вождей. Бюсты Ленина во дворах скорей должна

была сносить прежняя власть, не нынешняя. Но стоит ли искать логики в идеологии? В общем, говоря языком поэта: «Мосье со-гнали со двора».

Не избегла печальной участи еще одна из достопримечательностей Одессы – пивная Брунса. Она была здесь же, в лицейском дворе. Если читать «Пятеро» В. Жаботинского, то узнаем, что она существовала в «доме Вагнера» (Вагнер купил здание лицея, когда учебное заведение было преобразовано в университет и поменяло адрес), в глубине двора со стороны Дерibasовской. А если читать «Поезд на третьем пути» Дона Аминадо (А. Шполянского), то узнаем, что попасть в нее можно было со стороны Ланжероновской. И то, и другое справедливо и нисколько не противоречит планировке проходного двора. Из вышеназванных литературных источников следует, что пивная Брунса была местом, где подавали лучшее в мире (до 1917 года!) пиво, и по этому поводу не существовало никаких разногласий между писателями Буниным, Федоровым, Шполянским и Жаботинским, а также художниками Нилусом, Буковецким, Дворниковым и Заузе. Да, одесские кафе, пивные, рестораны, ресторанчики могут похвастаться тем, что служили местом встреч, дружеских пирушек, розыгрышей, споров не только для простых смертных, но и для совершенно замечательных людей. И остались в благодарной памяти завсегдатаев, а через них – в литературе и в искусстве. Кофейни, кондитерские, ресторанчики были нейтральной, всем принадлежащей территорией, куда приходили не только пить и есть, но и общаться. Иногда сочетание «пищи телесной» с «пищей духовной» давало замечательные плоды. В этом нетрудно убедиться, читая Хемингуэя. Или гуляя по одесским улицам. Зря, что ли, так ценилась чашка кофе, выпитая «у Фанкони»!

Покинем лицейский двор и остановимся на самом углу Дерibasовской и Екатерининской. Возле бывших «Алых парусов». Бывшего кафе. Оно служило местом встреч «золотой молодежи» 1960-1980-х. Художники, артисты, музыканты здесь, без сомнения, тоже бывали. Но, в основном, пятачок у кафе и через дорогу, напротив, у «Антарктики» – административного здания китобойной флотилии, были негласным местом сбора «фарцы». Этот термин вышел из современного обихода за ненадобностью.

Точно так же, как слово «спекуляция» утратило криминальный оттенок, хотя душок безнравственности остался. Тех, кого раньше величали спекулянтами и фарцовщиками, сегодня называют посредниками, дилерами и дистрибьютерами. Или проще – торговцами. Что соответствует реальному положению вещей. Торговля сопряжена с известным риском. Точней, чем у Пушкина, не скажешь: «Дитя расчета и отваги... купец...».

Фарцовщики тоже были «детьми расчета и отваги». Они вызвали явное презрение и тайную зависть, были предметом восхищения одних, негодования других и частой поживой миллионских облав. Они торговали. Чем? Не нефтью, не металлом и, насколько известно людям, не причастным к их кругу, не наркотиками и не оружием. Они продавали джинсы, кожаные пиджаки, замшевые куртки, жвачку и американские сигареты – предмет мечтаний советских юношей и девушек.

Замечено, что давнее прошлое легче вспоминать, чем недавнее. Вот и теперь трудно себе представить, что в каких-то там 1980-х американские джинсы были знаком непозволительной роскоши. Джинсы стоили умопомрачительно дорого для советской семьи со средним достатком: одну-три зарплаты инженера конструкторского бюро. Джинсы на бедрах юного отпрыска были показателем достатка семьи. «Заджинсованные» презирали «не джинсованных», а те – ах, зелен, зелен виноград! – утверждали, что чувствуют себя превосходно в советских джинсах за 12 рублей (редкостное убожество) или в польских за 40 (получше, но не то, не то).

Пройтись по Дерибасовской в джинсах и кожаном пиджаке означало быть причисленным к кругу избранных, почти к небожителям. Собственно, в сфере моды и одежды так было всегда. Быть может, даже в те почти доисторические времена, когда Дерибасовская еще носила имя Гимназской. Но не всегда это было безопасно. Например, в конце пятидесятых XX века, когда «под тлетворным влиянием Запада подонки советской молодежи» отринули всеобщую униформу – широкие брюки – и влезли в узенькие брюки-дудочки.

Комсомольские патрули бдительно следили за чистотой нравов на Дерибасовской. Они ходили с ножницами и разрезали –

Дерибасовская угол Екатерининской

да, да, то заводя в подворотню, а то и на самой улице – разрезали узенькие брючки непосредственно на их носителях. И не то чтобы при молчаливом попустительстве милиции, а при полном ее согласии и содействии. То же касалось избыточной длины волос. Не один поклонник группы «Битлз», изловленный на Дерибасовской и в ее окрестностях, бывал жестоко бит в милицейских участках за то, что «порочил облик советского человека». Была у блюстителей порядка на вооружении такая формулировка.

Моду приходилось оплачивать – и не только деньгами. «Правильное» социалистическое общество всегда жестоко боролось со своими «неправильными» членами. Во всех областях человеческой деятельности: в моде, в искусстве, в науке, в быту, в музыке. Дерибасовская была, естественно, одним из центров борьбы. Боролись со стилистами, фарцовщиками, модниками, с джазом и одесскими мелодиями. В тех же «Алых парусах» запретили играть «Семь-сорок». Чтобы советское общество не поддавало под разлагающее произраильское влияние этого всемирно известного одесского фрейлахса. И что, после этого оркестр

Дерибасовская угол Ришельевской

перестал его играть? Господа, мы же все-таки в Одессе! Конечно, оркестр перестал играть «Семь-сорок». Он играл ту же мелодию под названием «Одесская вечерняя».

Кстати, музыкальная ресторанный программа утверждалась множеством инстанций, которые начинались в Москве, продолжались в Киеве и завершались в Одессе. Наибольшая часть программы отводилась русским и украинским песням, за ними по количеству шла музыка народов союзных республик, иностранным же мелодиям отводился то ли один процент музыкальной массы, то ли два. Поэтому в «Алых парусах» играли фрейлахсы, выдавая их за молдавские национальные песни.

А в здании по диагонали напротив играли великолепный джаз. Здесь, в ресторане «Братислава», звучал оркестр Алика Кремера. И в «Братиславу» шли на джаз Кремера, а не на фирменные блюда. Настоящая музыка начиналась после ресторанной программы, после полуночи. Пела Татьяна Боева, за фортепьяно – Сергей Терентьев, ныне – музыкант с мировым именем. Тогда же, в 1970-х, его начальник, руководитель музыкальных ансамблей Одессы, окончивший музыкальную школу по классу баяна, отплеываясь от Гершвина, говорил: «Ну что ты всякую дрянь играешь! Сыграл бы Бетховена, «К Элизе». Тоже ведь неплохая музыка».

Собственно, не только «неплохая музыка», но само здание, где играл джаз Кремера, может служить замечательной иллюстрацией социалистической борьбы и победы. Путеводитель 1968 года характеризует «здание комбината «Юбилейный» как лучшее украшение Дерибасовской. Ой ли? Может, Пассаж поинтересней

будет? Спорить о вкусах – занятие увлекательное, но бесплодное. Поэтому остается сказать, что «комбинат» на углу Дерибасовской называли в честь пятидесятилетней годовщины Великого Октября. А потом переименовали в «Братиславу». С возвратом капиталистических форм общества в этом здании, построенном к 50-летию Октября архитектором Л.И. Швальбиной, образовалось казино. Ни больше ни меньше как «Эльдорадо». В которое мы не станем заходить. Что казино? Ели взглянуть шире, наша жизнь и без всякого казино – игра!

Кстати, о широте взглядов. Если мы хотим окинуть широким взором центр города и вид на залив, нам стоит подняться по «черной» лестнице на крышу дома на углу Дерибасовской и Ришельевской. Высота этого здания казалась настолько непривычной одесситам, что они называли его небоскребом. С крыши «небоскреба» эlegantность архитектурного решения центра города впечатляет особенно – ветхость не заметна, видна лишь головокружительная гармония улиц и архитектурных ансамблей. Впрочем, далеко не каждого привлечет перспектива подъема на верхний этаж «небоскреба». Что ж, и внизу тоже неплохо.

Мы находимся на том из углов Дерибасовской, о котором знают люди, даже никогда не бывавшие в Одессе. Знают из песенки, начинающейся словами «Как на Дерибасовской угол Ришельевской...». Песенка неприличная, что не мешает ей быть забавной и даже язвительной. Не являясь литературным шедевром, она, тем не менее, популярна в течение многих десятилетий. Благодаря неожиданному повороту сюжета в ее тексте. Эта частичка богатого городского фольклора Одессы – осколок зеркала,

Из Одессы с любовью

в котором отражается – совсем чуть-чуть – характер города и его главной улицы. Улицы, где перемешаны времена и нравы, великое и смешное, прошлое и настоящее. Улицы, где можно повстречать, ни про кого из нас не будь сказано, и «шестерых налетчиков», и фотографа с его обезьянкой, и лидера партии ЛДПР Жириновского с охраной, и старых знакомых, которых сто лет не встречал. Улицы, которая обязывает. Махнем ей рукой на прощанье. Жаль, нет фонтана, чтобы кинуть монетку. Впрочем, и без этого Дерибасовская – улица, к которой нельзя не вернуться. Как хотя бы мысленно возвращаются к ней все одесситы, в какой бы округлости земного шара ни находился их новый дом.

Фото Георгия Исаева и Михаила Рыжака
из архива Г. Исаева

